KUZ'MINYKH A.L.

SOURCES OF THE MILITARY CAPTIVITY AND THE INTERNMENT HISTORY OF THE WORLD WAR II IN THE USSR

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

КОРПУС ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО ПЛЕНА И ИНТЕРНИРОВАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Annotation / Аннотация

In the article the sources on the history of the Soviet military captivity and the internment of the World War II is considered. The various categories of documents for official and personal origin are examined, carried out their source study analysis.

В статье исследован корпус источников по истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны. Рассмотрены различные категории документов официального и личного происхождения, осуществлен их источниковедческий анализ.

Keywords / Ключевые слова

Historical sources, source study, World War II, the NKVD-MVD, prisoners of war, internees.
Исторические источники, источниковедедение, Вторая мировая война, НКВД-МВД, военнопленные, интернированные.

КУЗЬМИНЫХ Александр Леонидович – доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) Федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Вологда; 8-921-714-70-42; istorial@mail.ru

Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-01-00344а.

Объективное исследование истории военного плена и интернирования Второй мировой

войны в СССР невозможно без привлечения и анализа исторических источников. Комплекс источников по данной теме условно можно разделить на два вида: документы официального и личного происхождения. Рассмотрим их более подробно, начиная с документов официального происхождения.

Документы официального происхождения. Первая группа официальных источников представлена документами международно-правового характера, в первую очередь, международными конвенциями, регулирующими правила обращения с жертвами вооруженных конфликтов. К ним относятся Гаагская конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., Женевские конвенции «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г. и 12 августа 1949 г. Тексты упомянутых конвенций являются своеобразным эталоном, который позволяет определить степень гуманности политики советского государства в отношении военнопленных.

Вторую группу официальных источников образуют законодательные и нормативные акты высших органов государственной власти. К ним относятся постановления и распоряжения Совета народных комиссаров (Совета министров СССР), Государственного комитета обороны, а также протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам обращения с военнопленными и интернированными. По данным Е.М. Цунаевой, за 1931—1956 гг. Совет народных комиссаров (Совет министров СССР) принял 112 постановлений, распоряжений и решений, касавшихся иностранных военнопленных в СССР . Наиболее значимым из перечисленных законодательных актов было постановление СНК № 1798—800 от 1 июля 1941 г., утвердившее «Положение о военнопленных» — основной документ, регулировавший режим военного плена в СССР в годы войны .

Не меньшее внимание проблеме военного плена уделял Государственный комитет обороны, издавший в 1941—1945 гг. по этому вопросу 33 постановления и

распоряжения. Пожалуй, самым значимым из них явилось постановление ГКО № 8921 от 4 июня 1945 г. «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных», по которому наркоматам и ведомствам для использования в народном хозяйстве СССР передавались свыше 2 млн бывших неприятельских военнослужащих.

Наконец, вопросы, связанные с военнопленными, фигурируют, как минимум, в 18 протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) за 1939—1952 гг. Наибольшую известность получил протокол № 13 от 5 марта 1940 г., в котором вынесено решение о расстреле 25 700 польских военнослужащих и гражданских лиц, содержавшихся в лагерях и тюрьмах НКВД . Таким образом, высшие органы государственно-партийной власти в своих постановлениях, решениях и распоряжениях определяли основополагающие принципы содержания и трудового использования военнопленных и интернированных в СССР. Данные документы наглядно демонстрируют политическую линию в отношении бывших солдат и офицеров противника. Однако реального положения иностранцев в лагерях НКВД-МВД эти источники, разумеется, не раскрывают.

Третью группу официальных источников составляет делопроизводственная документация органов НКВД-МВД и иных государственных органов, работавших с военнопленными и интернированными. Ее можно разбить на 5 подгрупп.

Первая подгруппа представлена делопроизводственной документацией центральных органов управления учреждениями военного плена и интернирования. Особое место среди данной группы документов занимают распорядительные (нормативные) документы центрального аппарата НКВД-МВД СССР, регламентирующие деятельность органов и учреждений военного плена и интернирования. Сюда же можно отнести приказы и директивы Наркомата обороны (Министерства вооруженных сил СССР),

Наркомата (Министерства) здравоохранения, Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации, Главного политического управления РККА и других государственных ведомств и органов, тесно взаимодействовавших с Наркоматом (Министерством) внутренних дел СССР в процессе реализации государственной политики в отношении военнопленных и интернированных.

Главным видом распорядительной документации НКВД-МВД являлись приказы, распоряжения и директивы наркома (министра) внутренних дел. Они содержат подробную информацию о дислокации и штатах органов и учреждении военного плена и интернирования, формировании лагерной инфраструктуры и комплектовании личного состава, порядке содержания, организации труда и репатриации лагерного контингента. В 1946 г. были подготовлены и разосланы на места «Сборник приказов и директив НКВД-МВД и указаний ГУПВИ МВД СССР по вопросам режима и охраны военнопленных в лагерях МВД» (М., 1946), «Сборник приказов и директив НКВД-МВД и распоряжений ГУПВИ МВД СССР по вопросам медико-санитарного обслуживания военнопленных» (М., 1946 г.), «Сборник приказов и директив НКВД СССР по трудовому использованию военнопленных» (М., 1946) .

Комплекс организационно-распорядительной документации НКВД-МВД по вопросам плена и интернирования находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации в фонде секретариата НКВД-МВД (Ф. 9401. Оп. 1). Копии и типографские экземпляры приказов, директив, распоряжений, положений и инструкций НКВД-МВД также представлены в фондах архивных подразделений территориальных управлений Министерства внутренних дел РФ.

Обширный массив делопроизводственной документации по истории советского плена и интернирования сосредоточен в Российском государственном военном архиве (РГВА). Материалы Главного управления по делам военнопленных и интернированных

НКВД-МВД СССР (ГУПВИ) сконцентрированы в фонде под номером 1п, причем дела систематизированы по описям в зависимости от принадлежности к тому или иному подразделению УПВИ-ГУПВИ. Так, в описях с литерой «а» сосредоточена делопроизводственная документация общего отдела (секретариата) ГУПВИ, «б» — отдела кадров, «в» — отдела службы режима и охраны, «е» — учетного отдела, «г» — отдела организации и комплектования, «ж» — отдела снабжения, «з» — санитарного отдела, «и» — трудового отдела, «к» — квартирно-эксплуатационного отдела, «л» — фронтового отдела, «м» — 2-го управления по интернированным и мобилизованным, «н» — инспекции ГУПВИ, «о» — ветеринарной службы, «п» — архивного отделения, «т» — тюремного отдела МВД, который после расформирования УПВИ выполнял его функции. В самостоятельные фонды выделены документы Особого справочного бюро МВД СССР (фонд 2п), Политотдела ГУПВИ (фонд 3п), Антифашистского отдела при Политотделе ГУПВИ (фонд 4п), Оперативного отдела ГУПВИ (фонд 451п).

Наиболее ценными для исследователя с точки зрения информативности являются итоговые обзоры и доклады о деятельности УПВИ-ГУПВИ. К числу таких документов следует отнести «Обзор организационной деятельности ГУПВИ НКВД-МВД СССР за период 1941—1951 гг.», «Обзор деятельности ГУПВИ МВД СССР по охране и режиму содержания военнопленных за период 1941—1950 гг.», «Обзор деятельности ГУПВИ МВД СССР по медико-санитарному обеспечению военнопленных и деятельности медицинской службы за период 1941—1950 гг.», «Обзор деятельности УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР по организации трудового использования военнопленных», «Обзор опыта политической работы ГУПВИ МВД СССР с военнопленными в 1941—1950 гг.», «Обзор деятельности УПВИ-ГУПВИ по репатриации военнопленных» .

Ценность отчетной документации УПВИ-ГУПВИ обусловлена тем, что в ней обобщен обширный фактический и статистический материал, определены этапы в развитии Управления в целом и его отдельных структурных подразделений. Несмотря на то обстоятельство, что итоговая отчетность достаточно полно отражает деятельность УПВИ-ГУПВИ, она имеет существенные изъяны. К примеру, из сферы внимания авторов-составителей выпал период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. По всей вероятности, это было обусловлено нежеланием руководства главка включать этот период в официальную историю ведомства. Неопределенный правовой статус помещенных в лагеря НКВД польских военнослужащих, а затем расстрел узников

Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей делали невозможным объективное освещение этого периода истории советского военного плена. Также в отчетах остался без рассмотрения завершающий период деятельности УПВИ с июня 1951 по апрель 1953 г., когда оставшиеся в СССР военнопленные и интернированные содержались на положении военных преступников.

На настоящий момент значительный корпус документации центральных органов управления учреждениями военного плена и интернирования опубликован в документальных сериях «Русский архив. Великая Отечественная» , «Военнопленные в СССР» , а также ряде других изданий .

Вторая подгруппа представлена документацией региональных органов управления военного плена и интернирования. Это документы республиканских, краевых и областных наркоматов (управлений) НКВД-МВД, а также входивших в их структуру управлений (отделов, отделений или групп) по делам военнопленных и интернированных. Организационно-распорядительная документация региональных органов управления военного плена и интернирования во многом аналогична документации вышестоящих управленческих структур. Как правило, приказы и директивы руководителей регионального звена военного плена издавались во исполнение распоряжений центрального аппарата НКВД-МВД и УПВИ-ГУПВИ. Они развивали и конкретизировали их положения применительно к местным условиям, устанавливали круг ответственных за реализацию на местах лиц.

Уникальные материалы содержат фонды управлений (отделов, отделений) по военнопленным и интернированным, входивших в структуру территориальных НКВД(МВД)-УНКВД(УМВД). Они включают документы отчетного и информационно-справочного характера: доклады и отчеты УПВИ-ОПВИ по вопросам размещения, материально-бытового обслуживания, трудоиспользования и репатриации

контингента, докладные записки и донесения о политической и оперативной работе с лагерным контингентом, материалы обследования кладбищ военнопленных и интернированных. Большинство документов появились в процессе выполнения указаний центрального аппарата ГУПВИ, многие документы несут следы текстовой правки. Они дают возможность проследить механизм работы системы УПВИ-ГУПВИ: от принятия решения в центральном аппарате до его реализации на местах. Обширный комплекс делопроизводственной документации региональных структур военного плена и интернирования опубликован в третьем и пятом томах серии «Военнопленные в СССР» .

Третья подгруппа — делопроизводственная документация учреждений военного плена и интернирования (приемных пунктов, лагерей, спецгоспиталей, рабочих батальонов и т.п.). Особенностью данного вида источников является их разная ведомственная принадлежность и разбросанность по архивам. К примеру, в фонде Общего отдела (секретариата) УПВИ-ГУПВИ (Ф. 1п), находящемся на хранении в РГВА, в описи 9в представлены личные дела лагерей военнопленных, в описи 15а — дела-формуляры лагерей, в описи 35а — истории и итоговые доклады об их деятельности. Фонды лагерей и спецгоспиталей также встречаются в региональных государственных и ведомственных архивах. Деятельность территориальных учреждений военного плена и интернирования частично отражена в региональных документальных изданиях .

Определенный интерес представляют итоговые отчеты лагерей и спецгопиталей, которые содержат обзор их деятельности за весь период существования. Большое внимание в итоговой отчетности уделяется описанию организационной структуры и кадрового состава, производственно-хозяйственной и лечебной деятельности, политической работы с личным составом и военнопленными и т.п. Зачастую отчеты сопровождаются иллюстративным материалом: фотографиями, схемами, графиками и т.п. Несмотря на информационную ценность итоговой документации, исследователь должен относиться к ней с известной долей критики. Это обусловлено стремлением авторов документов акцентировать внимание на положительных результатах работы с военнопленными и интернированными. Негативные моменты в деятельности учреждений, например, высокая смертность контингента, объясняются, как правило, внешними причинами, например, плохим физическим состоянием военнопленных при поступлении.

Четвертая подгруппа — делопроизводственная документация органов региональной государственно-партийной власти: городских комитетов обороны, республиканских, краевых и областных комитетов ВКП (б), а также партийных организаций предприятий и учреждений. Данные документы, сосредоточенные в фондах региональных партийных архивов, показывают участие партийных инстанций в реализации государственной политики по отношению к военнопленным и интернированным. В первую очередь, это касается распределения спецконтингента по объектам местной промышленности. При этом партийные органы выступали в качестве своеобразного «арбитра» при разрешении конфликтов между различными ведомствами, предприятиями и учреждениями, боровшимися за трудовые ресурсы.

Пятая подгруппа — делопроизводственная документация местных хозяйственных организаций и предприятий, использовавших труд военнопленных и интернированных. Документы региональных государственных архивов позволяют во всей полноте увидеть процесс использования труда военнопленных на предприятиях местной промышленности и других сферах народного хозяйства СССР. В фондах предприятий и хозяйственных организаций содержится переписка и отчетность по трудовому использованию «узников войны». Данные документы наглядно демонстрируют отношение хозорганов к «рабсиле», их заинтересованность в максимальной эксплуатации труда лагерного контингента. Интерес также представляют типовые договоры между лагерными отделениями и хозяйственными организациями, закреплявшие взаимные права и обязанности.

Особую группу делопроизводственной документации составляют следственные дела осужденных военнопленных и интернированных. Они содержат протоколы допросов, приговоры военных трибуналов, кассационные жалобы осужденных, свидетельские показания. Эти источники позволяют определить категории лиц, привлекаемых к судебной ответственности, выявить основания для их осуждения, а также соотнести

степень адекватности наказания с тяжестью совершенного преступления, т.е. изучить проблему судебного преследования военнопленных и интернированных. В последние годы часть таких документов опубликована .

Специфическими источниками являются фотодокументы. В фондах РГВА хранится значительное количество фотоальбомов, отражающих пребывание военнопленных на территории СССР. Они являлись своеобразным фотоотчетом о работе администраций лагерей. Как правило, иллюстративный ряд строился по тематическому принципу: «бараки», «столовая», «лазарет», «производственные мастерские», «антифашистская работа», «культурно-массовые мероприятия». Следует учитывать то обстоятельство, что лагерные власти стремились показать условия жизни пленных в выгодном свете и подходили к отбору снимков избирательно. Несмотря на некоторую показательность и приукрашивание, этот вид источников наглядно свидетельствует о том, какой должна была быть «норма» жизни в лагере. Фотографии запечатлели внешний вид военнопленных, выражение их лиц, позы, одежду, окружающую обстановку.

Исследователям военного плена нельзя игнорировать такой вид исторического источника как периодическая печать. Ценность советской прессы (центральных, региональных и ведомственных газет) заключается в том, что она, во-первых, выполняет информативную функцию (сводки Совинформбюро о количестве захваченных в плен неприятельских солдат и офицеров, материалы о судебных процессах над немецко-фашистскими оккупантами и т.п.), во-вторых, наглядно показывает деятельность по формированию образа врага, демонстрирует пропагандистский подход советских политорганов к проблеме плена.

Особым видом прессы, использовавшимся в идеологической работе с обезоруженными солдатами и офицерами противника, были газеты для военнопленных, издавшиеся Главным политическим управлением РККА. Для немецких военнопленных печатались

газеты «Дас Фрайе Ворт» («Свободное слово»), «Фрайес Дойчланд» («Свободная Германия»), «Нахрихтен» («Вперед»). Газеты также выпускались для венгерских («Игаз Со»), румынских («Грайул Либер»), японских военнопленных («Ниппон Симбун») . В некоторых лагерях действовали прессбюро, которые издавали лагерные газеты. Такие газеты вывешивались для чтения в специальных витринах и информировали пленных о важнейших событиях в мировой политике, новостях лагерной жизни.

Информативным источником являются листовки — печатные листки агитационно-политического содержания, распространяемые среди войск и населения противника. Эти документы, издававшиеся огромными тиражами (до 1 млн экз.), доводили до неприятельских солдат официальную позицию советского правительства по вопросу военного плена, а именно убеждали в гуманном характере обращения с военнопленными в СССР. О содержании листовок красноречиво свидетельствуют их заголовки: «Советский Союз точно соблюдает Гаагскую конвенцию о военнопленных», «Русский комиссар встретил меня, как друга», «Я впервые за много недель наелся досыта», «Русские врачи лечат немецких военнопленных», «Мы вернулись к мирному труду» и т.д. Листовки забрасывались на вражескую территорию различными способами: их сбрасывали с самолетов, переправляли через линию фронта с помощью специальных артиллерийских мин и снарядов, передавали через перебежчиков. Всего за годы войны политорганами Красной армии было распространено среди войск противника более 20 тыс. наименований различного вида пропагандистских материалов общим тиражом 2,7 млрд экз. Часть таких документов опубликована в серии «Русский архив. Великая Отечественная» .

Используя периодическую печать и агитационные материалы в качестве исторического источника, необходимо критически относиться к содержавшейся в них информации, учитывая ее ярко выраженный пропагандистский подтекст. Рассказы обезоруженных вражеских солдат и офицеров, публикуемые на страницах советских газет и листовок, о «хорошем питании», «чистых простынях», «уютных и теплых помещениях» разительно расходились с реальным положением в лагерях военнопленных. В свою очередь, неприкрытая пролетарско-марксистская риторика наводит на мысль о прямом участии в подготовке данных обращений сотрудников Главного политуправления РККА. В отличие листовок и советской печати, материалы лагерной прессы содержат больше достоверной информации, т.к., несмотря на наличие цензуры, готовились самими

военнопленными.

Документы личного происхождения. Изучение истории пребывания солдат и офицеров противника в плену на территории Советского Союза требует тщательного изучения не только источников официального характера, но и документов личного происхождения: дневников, мемуаров, писем, художественных произведений. Они позволяют историку вырваться за рамки «сухой» документальности, взглянуть на те или иные явления и события глазами их непосредственных участников, ощутить дух времени.

Дневники наиболее ценный и информативный тип исторического источника, т.к. максимально приближены к описываемым событиям. Кроме того, они писались «для себя», а поэтому гораздо откровеннее традиционных мемуаров, рассчитанных на широкий круг читателей. Однако дневники чрезвычайно редки, т.к. вести какие-либо записи в плену запрещалось. Тем не менее, ряд таких документов известен исследователям. Наиболее известным является дневник генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, который он вел в советском плену со 2 марта 1943 г. по 20 декабря 1949 г. В нем подробно описаны условия жизни в плену, сложный процесс переосмысления идеологических убеждений.

Другим примером чудом сохранившихся дневников являются записные книжки польских офицеров, расстрелянных органами НКВД под Катынью и обнаруженные при эксгумации трупов . Всего известно 22 экземпляра таких документов, копии текстов которых хранятся в Гуверовском институте в США (подлинники были утеряны). В них более или менее подробно описано пребывание в плену на территории Советского Союза, в том числе условия лагерного быта, питания, организации досуга и т.д. Заканчиваются же все записи в апреле 1940 г.: либо в момент отправки из лагеря, либо — как в случае майора Адама Сольского — в лесу под Смоленском. Некоторые дневниковые записи очень подробны и интимны, другие лаконичны и носят общий

характер.

Следующим видом источников личного происхождения являются мемуары. При работе с мемуарами военнопленных исследователю необходимо учитывать специфику этих документов. Во-первых, они создавались после возвращения пленных на родину, нередко спустя длительное время после описываемых автором событий. Следовательно, воспоминания могут содержать неточности и искажения, обусловленные ограниченными возможностями человеческой памяти. Во-вторых, мемуары не лишены авторского субъективизма. В воспоминаниях зафиксировались оценочные суждения позднейшего времени, которые требуется соотносить с исторической действительностью. Примером мемуаров военнопленных являются воспоминания В. Адама, В. Биркемайера, Г. Вельца, И. Видера, Х. Герлаха, Ф. Заппа, Д. Крамера, Х.-Ю. Отто, В. Хенса .

Текст воспоминаний в сюжетном отношении условно можно разделить на три смысловых блока, которые тематически связаны между собой. Первый блок касается предыстории и обстоятельств пленения. Излагаются причины, побудившие автора пойти на армейскую службу, ход боевых действий и, наконец, сам факт попадания в плен. Далее следует описание транспортировки в лагеря, которое включает характеристику условий перевозки или конвоирования, отношение охраны и т.д. Следующий блок — это жизнь военнопленных в лагере. Здесь повествуется об адаптации к лагерной жизни, отношении к пленным со стороны лагерной администрации и местного населения. Затем описываются лагерный быт, питание, болезни, труд, наказания, побеги и другие эпизоды из жизни в плену. В заключение — блок, посвященный возвращению на родину и началу мирной жизни. Безусловно, в мемуарах информация распределяется на логические блоки в разных пропорциях в зависимости о того, что автор хотел подчеркнуть своими воспоминаниями. Если автор считал важным изложить свой опыт плена, то описание лагерного быта — наиболее обширный блок. Если автор хотел показать свою армейскую жизнь, то наиболее детальное внимание уделяется фронтовому быту и описанию боевых действий.

Оценивая мемуары военнопленных как исторический источник, необходимо отметить, что они содержат не только сугубо описательный, но и аналитический компонент. Несомненный интерес у исследователя вызовут размышления и раздумья авторов о советской действительности, о глубинных причинах происходившего в Советском Союзе. Вместе с тем, исследователи отмечают тот факт, что мемуары иностранцев зачастую описывают лагерную жизнь поверхностно и тенденциозно, как цивилизованный человек описывает дикое и непробудное варварство . В силу «культурного шока», усиленного спецификой лагерного колорита, воспоминания военнопленных и интернированных нередко пропитаны отвращением к жизни в советских лагерях. Здесь нужно учитывать тот факт, что большинство мемуаров были изданы на Западе в эпоху холодной войны, в силу чего носят выраженный антисоветский характер. С другой стороны, имеется немало воспоминаний, авторы которых сохранили теплое отношение к русским людям и оценивают советский плен более взвешенно.

Отдельная группа мемуарной литературы представлена воспоминаниями советских граждан и военнослужащих. В воспоминаниях советских военачальников В.С. Антонова, П.И. Батова, А.М. Василевского, Г.К. Жукова, К.В. Крайнюкова, К.И. Провалова содержатся сведения о количестве плененных вражеских солдат в ходе той или иной боевой операции, их физическом и психологическом состоянии, политической работе среди военнослужащих и населения противника. В отличие от официально-парадного стиля мемуаристики генералитета РККА, воспоминания рядовых фронтовиков менее тенденциозны и предвзяты. В них нашли отражение факты, замалчиваемые на официальном уровне. Так, на практику расстрелов немецких солдат ссылается в своих фронтовых воспоминаниях бывший лейтенант РККА В.М. Иванов . В противовес этому ветеран войны В. Рудаков свидетельствует о фактах панибратского отношения к попавшим в плен гитлеровцам . Большой интерес также представляют воспоминания советских граждан . Для указанных воспоминаний присущ человеческий подход к описываемым событиям, характерна сложность психологического отношения к бывшему врагу, когда ненависть постепенно сменяется сочувствием и стремлением понять людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию.

Уникальным источником, позволяющим отразить внутренний мир военнопленных и

интернированных, является почтовая корреспонденция. Приказ НКВД СССР от 13 июля 1945 г. вводил специальные почтовые карточки для военнопленных . По лицевой стороне бланка почтовой карточки под эмблемой Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР указывались данные адресата и отправителя, на обороте — текст сообщения. В мае 1948 г. военнопленные получили право отправлять помимо почтовых карточек письма . Почтовые карточки и письма в обязательном порядке проходили политконтроль — цензорский просмотр входящей и исходящей корреспонденции, проводившийся сотрудниками оперативных отделений лагерей УПВИ-ГУПВИ.

Почтовые карточки заполнялись военнопленными на родном языке, как правило, от руки, чернилами или тушью. Они легко поддаются датировке и установлению авторства. Содержание карточек во многом стандартно: пленные писали о том, что живы, здоровы и мечтают скорее вернуться на родину, передавали приветы друзьям, родным и близким. В свою очередь, родственники военнопленных информировали их о ситуации на родине и в семье, пытались морально поддержать и укрепить дух.

Вопрос о достоверности почтовой корреспонденции военнопленных, как исторического источника, неоднократно поднимался исследователями. Превалирует мнение о том, что данные документы содержат отлакированную и ограниченную рамками цензуры и самоцензуры информацию . Тем не менее, представляется маловероятным, что лагерным политконтролерам было под силу проверить десятки миллионов писем-карточек, а тем более исказить их содержание . Цензура, безусловно, влияла на содержание посланий, лишая переписку военнопленных конкретики, описания подробностей личной и лагерной жизни. Тем не менее, по содержанию писем можно составить общее представление о состоянии здоровья, условиях содержания, обращении со стороны лагерной администрации, моральном настрое военнопленных.

Помимо дневников, мемуаров и эпистолярных источников исследователям советского плена необходимо привлекать альтернативные источники личного происхождения, например, литературные, музыкальные, исторические произведения, созданные в советском плену иностранными военнослужащими. К примеру, в третьем томе документальной серии «Военнопленные в СССР» представлены материалы творчества немецких военнопленных, находившихся в лагерях под Сталинградом. При этом литературно-художественные произведения, сгруппированные по разделам «Проза», «Поэзия», «Драматургия», опубликованы в виде фотокопий, что повышает их ценность как исторического источника. Данные документы позволяют составить представление о характере культурно-массовой работы среди военнопленных, лагерном досуге, ощутить их личные переживания и мироощущение сквозь полотно художественных произведений.

Итак, рассмотренный комплекс исторических источников содержит обширную и разноплановую информацию об истории пребывания военнопленных и интернированных Второй мировой войны в СССР. Можно согласиться с выводом Г.М. Ивановой о том, что «документы личного и официального происхождения — это два прожектора, которые освещают объект исследования с двух противоположных сторон» . Особенностью источников официального характера является то, что они появились в результате деятельности государственных структур и отражают, прежде всего, отношение государства к проблеме военного плена. В свою очередь, источники личного происхождения созданы непосредственными участниками событий, с одной стороны, иностранцами, содержавшимися в советском плену, с другой — советскими гражданами (военнослужащими и гражданскими лицами), взаимодействовавшими с военнопленными и интернированными. Они дают возможность изучить «человеческое измерение» плена, раскрывают перед исследователем неисчерпаемое многообразие лагерного опыта, детали повседневной жизни в условиях плена, которые отсутствуют в официальных источниках.

Список литературы

Цунаева Е.М. Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД-МВД СССР и органов управления ими как исторический источник: Дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2010.

Военнопленные в СССР. Документы и материалы. М., 2000.

Катынь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13—1): нормативные документы. М., 1996.

Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941—1955 гг. Т. 24 (13—2). Кн. 1. М., 1999.

Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941—1955 гг. Т. 24 (13—3). Кн. 2. М., 2002.

Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы. М., 2000; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941—1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4. Волгоград, 2004.

Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941—1953 годов. М., 2005.

Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940—1950 гг.): документы, факты, комментарии. М., 2001.

Катынь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1999.

Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы.

М., 2001.

Военнопленные в Сталинграде. 1943—1954: документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 2. Волгоград, 2003; Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД. 1941—1951: отчетно-информационные документы. Серия «Военнопленные в СССР». Т 5. Кн. 1. Волгоград, 2005.

Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД. 1941—1951: отчетно-информационные документы. Серия «Военнопленные в СССР». Т 5. Кн. 2. Волгоград, 2006.

Кирьяков Б.С. Военнопленные в Вятском крае 1942—1947 гг. (Спецгоспитали): документы и материалы. Киров, 2007

Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света…»: Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939—1949 гг.): очерки и документы. Вологда, 2008.

Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С. Иностранные военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: документы и материалы. Кемерово, 2002.

Японские военнопленные в Приморье (1945—1949 гг.). Труд военнопленных в угольной промышленности. Сборник документов. Вып. 1. Владивосток, 2005.

Японские военнопленные в Приморье (1945—1949 гг.). Труд военнопленных в отраслях народного хозяйства Приморского края. Сборник документов Государственного архива Приморского края. Вып. 2. Владивосток, 2006.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают… Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М., 2009.

Марковчин В.В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М., 2000.

Катынь: свидетельства, воспоминания, публицистика. М., 2001. С. 106—116.

Адам В. Катастрофа на Волге: мемуары адъютанта Ф. Паулюса. Смоленск, 2001.

Биркемайер В. Оазис человечности № 7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного. М., 2005

Вельц Г. Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999.

Видер И. Сталинградская трагедия. За кулисами катастрофы. М., 2006.

Герлах Х. В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного. 1945—1946 гг. М., 2006.

Запп Ф. Сталинградский пленник. СПб., 1998.

Крамер Д. Истории одного плена. М., 2002.

Отте Х.Ю. В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. Сентябрь—ноябрь 1943 года. Из воспоминаний летчика люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый Часовой. 1999. № 8—9. С. 226—230.

Отте Х.Ю. Сбили! Из воспоминаний летчика люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый Часовой. 1997. № 5. С. 275—287.

Хенс В., Пересвет А. По другую сторону войны. М., 2005.

Иванова Г.М. ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х — середина 1950-х гг.): Дис. … д-ра ист. наук. М., 2002.

Антонов В.С. К последнему рубежу. М., 1987.

Батов П.И. В походах и боях. М., 2000.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1983.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т.: Т. 3. М., 1988.

Крайнюков К.В. Оружие особого рода. М., 1978.

Провалов К.И. В огне передовых линий. М., 1981.

Иванов В.М. Война глазами лейтенанта. 1941—1945 годы. СПб., 2001. С. 210—211.

Подольный И.А. Адвокатский вопрос // Подольный И.А. Школы моей жизни. Из записок счастливого человека. Вологда, 1996.

Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции в старой и новой России // Вопросы истории. 2010. № 4.

Абдрашитов Э.В. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны: Дис. … канд. ист. наук. Казань, 2003.

Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946—1949. Документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР. 1939—1956 гг.» Т. 3. Волгоград, 2006.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .